

18+

КАРХАЙМ: ИГРА ДРЕВНЕЙ

Михаил Филатов

Игра Древней

«Автор»

2026

Филатов М.

Игра Древней / М. Филатов — «Автор», 2026

Что произойдёт, если случайно разбудить то, что спало? И как пережить то, что - Спящая приготовила для насекомых, которые её разбудили? Игра - Началась. Древние кубики Судьбы сделали свой ход, повезёт ли насекомым в игре, в которую их бросила та кто пробудилась от Сна... Кто знает.

© Филатов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Страшная находка Судного Дня	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Михаил Филатов

Игра Древней

Название: Игра Древней

Автор(-ы): Кархайм

Ссылка: <https://author.today/work/651032>

Глава 1. Страшная находка Судного Дня

Пятый день мая две тысячи девяносто девятого года пах застарелой человеческой усталостью. Исследовательский корабль Эгида-7 выплюнул шаттл в разреженную атмосферу Марса ровно по расписанию. На борту сидели новые сменщики - тридцать два инженера, сорок геологов и двое яйцеголовых теоретиков, которые смотрели сквозь бронестекло иллюминатора так, будто планета задолжала им денег.

Смена прошла буднично. Старые рабочие, серые от марсианской пыли и хронического недосыпа, молча пожали руки прибывшим у подножия буровой платформы Олимп-Южный. Никто не обнимался. В этом секторе космоса сантименты стоили дороже кислорода, а кислород здесь был привозным. Через сорок минут старый экипаж уже сидел в тесных капсулах криосна, отправляясь домой к Земле. Новые принялись за работу спустя одиннадцать минут после их ухода. Капитализм Солнечной системы не терпел простоев.

Через семьдесят два часа рабочий четвертого класса Йозеф Ковач пробил стену пещеры. Он делал это не специально. Его тяжелый марсоход-бурильщик серии Крот-М4 просто потерял сцепление на осыпи базальта. Пятитонная машина дернулась, фреза ушла глубже расчетного, порода треснула, и многотонный корпус вместе с вопящим внутри Йозефом ухнул вниз на полтора километра. Спасать там было нечего и некого. Когда десять человек бывшие на дежурстве в это время, спустилась в провал, они нашли лишь идеально круглую дыру во льду вечной мерзлоты, куда затянуло тело, да вырванную взрывом панель управления. На панели застрял указательный палец Йозефа, всё ещё судорожно сжимающий гашетку заднего хода.

Но тем, кто добрался до места его гибели ради протокола утилизации оборудования, повезло чуть больше. Или меньше. Это зависит от того, как посмотреть на грядущее.

Под основной пещерой обнаружился коридор, не естественная трещина, нет. Стены были гладкими, отполированными до зеркального блеска чем-то, что плавило камень без единого шва. Температура в проходе держалась на уровне плюс двадцати одного градуса по Цельсию, хотя снаружи термометр сходил с ума на минус ста сорока. Группа из - два планетолога-теоретика, чьи имена история сожрет первым делом, техник и семеро охранников КТБ, шли по этому коридору почти вслепую. Фонари шлемов вязли в темноте впереди, словно лучи тонули в густом черном киселе. Спустя двести метров извилистого спуска тоннель оборвался резким уступом.

Они вышли на карниз над колоссальной каверной. В двух километрах от них, пронзая непроглядный мрак своим собственным отсутствием света, стояла пирамида. Она была высотой около полукилометра. Её грани состояли из материала, который буквально пил фотоны. Любой луч нашлемного фонаря, попавший на её поверхность, исчезал бесследно, оставляя после себя только холодную пустоту. Казалось, если посветить туда достаточно долго, можно выжечь сетчатку через стекло визора.

На плоской вершине пирамиды стоял саркофаг. И вот тут физика окончательно уволилась. При взгляде на него напрямую, даже через оптику дронов-разведчиков, висящих над пропастью, человеческий мозг начинал сбоить. Руны, покрывавшие крышку гроба, напоминали египетские письмена, но написанные ломаными, острыми линиями, похожими на трещины в стекле. Смотреть на них дольше минуты означало гарантированный психоз.

Первым слетел техник. Он зарывал, забыв про фильтры респиратора, и попытался перегрызть горло стоящему рядом планетологу. Охрана среагировала мгновенно, выпустив электромагнитный разрядник. Техник упал, выгнувшись дугой, пуская пену, но успел перед этим разmozжить прикладом винтовки кисть одному из ученых. Позже, записи самописцев покажут, что за следующие сто лет число подобных инцидентов достигнет пятидесяти тысяч, включая

попытки отгрызть собственные конечности и саботаж реакторов жизнеобеспечения. Сумасшествие стало профессиональным заболеванием историков и лингвистов.

Но руны были лишь неприятной декорацией, настоящее шоу находилось вокруг.

Пирамиду и саркофаг опоясывал гигант, трёхсотметровый чёрный дракон. Его чешуя имела тот невозможный оттенок, который бывает только у запёкшейся крови при свете ультрафиолетовой лампы. Багровые переливы текли по его телу мрачной лавой, создавая иллюзию бездны, из которой нет возврата. Он лежал, обвив исполинское сооружение одним бесконечным кольцом мускулистого тела. Его ноздри медленно втягивали марсианский воздух. Глаза, расплавленного золота были закрыты тяжёлыми кожистыми веками. Но каждый из девятерых выживших на том карнизе чувствовал кожей, он видит их. Видит сквозь скалу, скафандры и прямо в их глаза и ещё глубже.

Десять лет лучшие умы Земли пытались понять, что именно они откопали. Радиация? Нет. ЭМ-излучение? Нет. Психотропное поле неизвестной природы? Да, но приборы фиксировали абсолютный штиль. Защитная сфера, не пускавшая никого ближе чем на два километра к пирамиде, тоже отказывалась регистрироваться. Люди просто упирались в невидимую стену, о которую разбивались автоматические буры и горели сервоприводы шагающих танков.

За эти десять лет пятьсот случаев острого помешательства превратились в статистику. Роботы-сборщики сворачивали себе манипуляторы, пытаясь процарапать барьер. Системы наблюдения выдавали на экраны сплошной белый шум, переходящий в запись криков заживо свариваемых людей. Споры о природе находки длились почти столетие. Теологи называли это Колыбелью Демиурга. Военные требовали сбросить на координаты циклонную торпеду. Ученые хотели знать правду, правда оказалась кровожадной. Пятьдесят тысяч погибших от лопнувших сосудов в мозгу при попытке дешифровки рун до раздавленных в панике коллег, заставили Землю наконец признать поражение.

Наступил 2299 год. Год Великого Вето.

Над всей аномалией возвели купол. Огромную свинцовую полусферу диаметром в полсотни километров, способную выдержать прямое попадание астероида. Все найденные входы залили пластобетоном марки Бездна, в состав которого входил переплавленный корпус линкора. Поверх бетона уложили листы трансуранового композита. А затем установили автоматику. Турели Гаусса калибра сто миллиметров. Рельсовые пушки. Стационарные излучатели антиматерии. Система охраны периметра получила высший приоритет угрозы Омега-Прим. Человечество заперло дверь, заварило её снаружи, встало сверху с дробовиком и сделало вид, что ничего не произошло.

Тишина под куполом продержалась четыреста лет.

Для дракона Апокалипсиса время всегда имело иное измерение и плотность. Он очнулся не от звука. Звук перестал существовать в этой вселенной давным-давно. Он очнулся от изменения гравитационного фона. Купол над ним начал мелко вибрировать.

Апокалипсис открыл золотые глаза. Чёрная чешуя с багровым отливом едва слышно загудела, сбрасывая накопленную статику бесчисленных эпох. Воздух над трёхсотметровым телом пошел рябью, искажая свет прожекторов автоматической охраны. Дракон медленно повернул голову. Шея толщиной с орбитальный лифт издала звук натягиваемой стали. Он смотрел на самый центр потолка своего подземелья. Там, где массивные плиты брони стыкуются с силовыми фермами.

— Они нервничают, прошелестел голос, который не предназначался для барабанных перепонок. Он рождался прямо в синапсах любого, кто мог его услышать.

Лилит не открывала глаз. Она сидела на краю саркофага, свесив одну ногу. Идеальная фигура, строгий наряд из ткани, меняющей цвет от глубокого чёрного до цвета крови в зависимости от угла падения света. Декольте казалось бездонным провалом, в ложбинке которого пульсировал алмаз, похожий на каплю свежей крови взятой прямо из сердца. Диадема на её

лбу мерцала в такт этому камню, медленно, ритмично, как сердце самой Вселенной. Волосы цвета воронова крыла с пепельными прядями тяжёлой волной падали на плечи. Глаза цвета тёмной сирени смотрели в никуда.

— Нервничать, это их эволюционная программа, мой хороший, ответила она, хотя её губы не шевельнулись.

— Четыре века они строят игрушки побольше. Им кажется, что количество нулей в бюджете проекта придает им значимости. Как трогательно.

Её длинные пальцы с идеальными ногтями небрежно постучали по крышке саркофага. Оттуда, изнутри, пришел ответный стук. Низкий, утробный, вызывающий тремор в самых корнях скал. Будто кто-то очень большой и крайне недовольный проверял толщину своей тюрьмы.

— Ты чувствуешь ритм диадемы? спросила Лилит, поворачивая голову к дракону.

— Он ускоряется. Земля снова решила поиграть в богов. Кажется, они собираются просверлить нам крышу плазменным буром. Хотят достать то, что лежит внутри.

Апокалипсис издал низкий рокочущий звук, от которого посыпалась пыль с потолочных перекрытий купола. Где-то в тридцати километрах отсюда взвыла сирена тревоги секторального уровня, зафиксировав необъяснимый сейсмический толчок мощностью в 8.9 балла.

— Пусть сверлят, хозяйка? пророкотал дракон, приподнимаясь на передних лапах. Багровые отсветы на его чешуе стали ярче, источая ауру первобытного ужаса. — Я соскучился по вкусу титановых сплавов.

Лилит плавно поднялась. Её рост в метр девяносто казался насмешкой над трёхсотметровым ящером, но когда она посмотрела на него снизу вверх, пропорции реальности слегка исказились.

— Нет, милый, её голос стал бархатным, опасным. — Сначала мы подождём инициацию, нам нужен идеальный момент, чтобы этот скучный красный булыжник навсегда забыл дорогу к звёздам. А пока... убавь свой фон. У роботов перегреваются охладители, они могут испортить нам торжественный выход преждевременной пальбой.

Дракон послушно прикрыл золотые глаза. Излучаемая им аура голода схлопнулась, уходя глубоко внутрь.

Лилит подошла к стене пещеры, которая выглядела абсолютно монолитной, и провела по ней ладонью. Под её пальцами камень пошёл мелкой рябью, открывая окно обзора. Прямо перед ними, в идеальной чистоте, предстал огромный серый зал диспетчерского центра Объединенного Правительства Земли, расположенный глубоко под поверхностью Луны. Сотни людей в белых халатах метались между голографическими проекциями красной планеты.

— Смотри, Апокалипсис, усмехнулась Великая Древняя, обнажая ряд зубов слишком острых для человека. — Они думают, что запечатали зло. Они потратили триллионы кредитов на бетон и сталь. Они забыли простую истину древней техномагии... Лучший замок для двери, это уверенность хозяина дома в том, что самого дома не существует.

Алмаз в декольте вспыхнул кровавым светом.

В диспетчерском центре на Луне главный стратегический монитор мигнул. Вместо данных со спутников Марса на экране на долю секунды проступили те самые ломаные руны с саркофага. Главный аналитик базы умер мгновенно, его голова лопнула, как переспелый томат, забрызгивая консоль кровью и осколками черепа. Началось массовое помешательство лунного персонала.

...А под сводами марсианского купола, погребённая пирамида тихо вздохнула. Впервые за миллион лет.

2299 год действительно обещал быть интересным.

6 августа 2299 года стал для всей Солнечной системы тем днем, который выжившие назовут Судным Днем с большой буквы исключительно из уважения к масштабам постигшей их задницы.

Это не было похоже на ядерную войну или вторжение жуковидных инопланетян из дешевых голофильмов прошлого века. Вторжение подразумевает стрельбу и героическую гибель в окопах. Здесь же просто пришел главный системный администратор реальности и выдернул шнур из розетки.

Сначала замолчала научная база Олимп-Южный. Затем исчезла связь с Марсом. Спустя три секунды накрылась вся сеть Солнечной системы. Орбитальные верфи над Юпитером, шахты на Титане, жилые кольца Венеры, всё погрузилось в абсолютную, звенящую тишину. Термоядерные реакторы холодного синтеза, гордость земной инженерии, просто затихли. Физики потом будут биться головой о стены, пытаясь понять, как можно остановить термояд простым отсутствием желания у атомов делиться энергией. Спойлер - никак. Физика просто уволилась по собственному желанию.

Орбитальный лифт замер. Сорок тысяч человек зависли в стальных кабелях между небом и землей. Кто-то успел помолиться, кто-то начал есть коллегу от скуки, но большинство просто висело в гробовой тишине, глядя на стремительно приближающуюся или удаляющуюся линию горизонта. Энергии не было даже на аварийное освещение.

Космические станции стали первой ласточкой настоящего апокалипсиса. Лишившись гравитационной корректировки и двигателей ориентации, они начали падать. Небо Земли расцветилось красивыми, но смертоносными болидами из титана и стекла. Станция Мир-14, старейшая на орбите, вошла в атмосферу красиво, разваливаясь на куски размером с футбольное поле и сжигая дотла половину Австралии. Это был единственный свет на планете в ту ночь.

Пока семь миллиардов людей по всей системе находились в состоянии глубокой паники, материя решила продолжить вечеринку. Ровно через час после отключения реакторов мировой океан сошел с ума. Огромное цунами, высотой с хороший небоскреб, поднялось без всякого землетрясения, просто вода вдруг вспомнила, что она жидкость и ей надоело сидеть в своих берегах. Прибрежные города слизнуло языком волны вместе с населением, машинами и историческими памятниками.

А затем проснулись вулканы. Не те сонные сопки, которые иногда плюются дымом для туристов, а все разом. Планету затянуло таким густым слоем пепла, что наступила вечная ночь. Дыхание магмы выжигало остатки кислорода. Землетрясения амплитудой в двенадцать баллов, теоретически невозможные, так как при двенадцати баллах тектонические плиты должны начать играть в пазлы, сметали с поверхности всё, что люди строили тысячелетиями. Небоскребы складывались внутрь себя, словно картонные коробки. Континенты трескались, как пересохлая земля в вазоне.

Этот цирк продолжался ровно неделю. Семь дней чистейшего, незамутненного хаоса. А потом, так же внезапно, как началось, всё затихло. Ветры улеглись. Вулканы захлопнули свои кратеры. Вода отступила, оставив после себя слои ила, грязи и дохлой рыбы.

Но, люди живучи. Эволюция потратила миллионы лет, чтобы сделать из них существо, способное выжить даже после того, как Бог нажал кнопку форматирования диска. Из семи миллиардов выжило около сорока миллионов. Те, кто оказался глубоко под землёй в старых или новых самых укрепленных бункерах. Те, кто умудрился запереться в герметичных цехах военных и секретных заводов. И самые везучие параноики, успевшие забраться в старые химические хранилища.

Спустя несколько лет те немногие, кто болтался на мёртвых остовах орбитальных станций, сумели собрать волю в кулак. Без электричества, используя допотопные солнечные паруса, ловящие фотоны умирающего света сквозь слой пепла, и банальные панели солнечных батарей,

снятые с крыш разрушенных домов, они спустились на поверхность. На обычных спускаемых капсулах, разбиваясь о корку застывшей магмы в соотношении пятьдесят на пятьдесят.

Девятьсот лет ушло на то, чтобы эти сорок миллионов перестали грызть друг другу глотки за банку тушенки и вновь создали цивилизацию. Но это была уже совсем другая история. Технологии предков умерли вместе с законами физики в августе 2299-го. Зато на планету вернулась Она. Магия. Древняя, первобытная, пахнувшая кровью и жадной властью. Люди принялись её изучать методом проб, ошибок и случайного превращения соседей в декоративные клумбы.

К четыреста девятому году новой эры население достигло немногим более четырёх миллиардов. Они заново изобрели колесо, порох и бюрократию, но теперь налоговую декларацию нужно было заверять печатью из уплотненного эфира. Был найден способ постройки порталов для перемещения по Солнечной системе. Никакого варп-привода, никаких релятивистских скоростей. Просто огромный круг из зачарованного керамобетона, руна **Туда** слева, руна **Обратно если выживешь**, справа, и дежурный маг-экстерминатор на случай, если из портала вместо груза полезет чья-нибудь прабабушка с шупальцами.

И вот однажды, на очередном скучнейшем собрании Совета Ученых-Магов Объединенной Земли, когда обсуждали квоты на добычу маны из плачущих камней Плутона, один седой архивариус, страдающий тяжелой формой геморроя и старческого маразма, хлопнул себя по лбу.

— Парни, прохрипел он, отрываясь от созерцания голографического графика дефицита бюджета. — Я тут копался в наследии предков. Тех самых, которых сожрал Великий Выключатель. У них ведь тоже была своя магия. Они называли её... наукой.

Пятьдесят лучших умов человечества были брошены на изучение сохранившихся воспоминаний нейроимплантатов той эпохи, чудом уцелевших кристаллов памяти, залитых тем самым пластобетоном. Они нашли записи про Марс. Про странную, опасную Аномалию. Про гладкие коридоры, психоз от взгляда на руны и трехсотметрового дракона, которого автоматические турели пытались убедить быть вежливым с помощью гаусс-снарядов.

Один из молодых магистров Порталистики, нервно теребя рукав своей мантии, рискнул выдвинуть теорию во время перерыва на жертвоприношение кофе.

— А может... всё произошло именно из-за этой аномалии? Что, если тот самый Судный День, это не сбой техники, а система безопасности сейфа? Предки закрыли дверь, а мы выросли, подобрали ключ в виде магии и сейчас стоим перед ней, почесывая затылок. Может, стоит попробовать найти ответ?

Споры длились месяц. Это были жаркие дебаты, переходящие в метание боевых фаерболов и вызов мелких демонов бухгалтерии. Одни кричали, что открывать саркофаг, это лучший способ устроить второй раунд Апокалипсиса, только в этот раз океаны вскипят по-настоящему. Другие резонно замечали, что первый раунд пережили даже тараканы и жители Челябинска, значит, шансы есть. К тому же, ресурсы Марса давно манили истощенную Землю, а лезть туда обычным порталом было страшно.

В итоге решили пойти путем истинной демократии, отправить добровольцев. Нашли троих.

Первым был архимагистр Игнатий, старый, желчный тип, чьи познания в некромантии уступали только его любви к хорошему коньяку. Он вызвался сам, заявив, что устал смотреть на глупые лица молодёжи и хочет наконец увидеть нечто действительно древнее и злое, желательно способное убить его быстро и безболезненно.

Второй стала капитанша наемничьего корпуса Ржавые Топоры, здоровенная баба по прозвищу Кувалда. Она потеряла левую руку еще в юности, заменив её на тяжелый плазменный протез кустарной сборки, который постоянно искрил и вонял горелой изоляцией. Ей платили авансом, а заказчик обещал гору кредитов за любые образцы технологий с Красной планеты.

Третьего выбрали жеребьевкой среди младших научных сотрудников. Им выпал стажер-порталист Леопольд. Ему было двадцать два года, он носил очки, страдал аллергией на пыль веков и искренне считал, что главная опасность Марса, это отсутствие там веганских смузи-баров. Когда его вытолкнули из строя, он икнул и попытался слиться с текстурой ковра.

Портал настраивали всем Советом. Архитекторы чертили фундаментальную геометрию перехода, стихийники охлаждали бетон, пока тот не пошел трещинами от перепада температур, а боевые маги стояли кольцом, держа руки на оголовьях молотов-трансформеров.

Игнатий сплюнул на пол фиолетовой слюной, достал из-под мантии флягу и сделал основательный глоток.

— Если я вернусь оттуда с лишними конечностями или в виде разумного грибка, прошу считать меня республиканцем, буркнул он. — Открывай дыру, очкарик.

Леопольд, бледный как смерть, дрожащими руками активировал пусковую консоль. Руны на ободе портала вспыхнули болезненным багровым светом, точь-в-точь повторяя свечение чешуи того самого дракона с древних записей. Воздух загустел, запахло чем-то странным и холодным. Пространство выгнулось дугой, открывая проход. За мерцающей пленкой портала виднелась красная пыль.

Стажер Леопольд понял две вещи. Первая - смузи-баров на Марсе нет. Вторая - идея отправить сюда трёх придурков была худшим бизнес-планом в истории Солнечной системы. Но портал уже стабилизировался. Обратного пути не было, иначе Совет просто аннигилировал бы точку выхода вместе с ними ради общей безопасности.

Трое шагнули вперед. Марс встретил их тишиной, которая была гораздо громче любых взрывов Судного Дня. Багровая пыль оседала на их сапогах. А где-то глубоко под поверхностью, в Абсолютной Запретной Зоне, глаза цвета тёмной сирени медленно открылись. Диадема на лбу Великой Древней ускорила свой пульс, войдя в резонанс с вибрацией открывшегося пространственного окна.

— Гости, мой хороший, прошелестела Лилит, лениво потягиваясь на краю саркофага. — Кажется, наши новые соседи оказались чуть более изобретательными, чем предыдущие. Посмотрим, умеют ли они кусаться так же хорошо, как строить порталы.

Апокалипсис приподнял тяжелую голову. Его ноздри дрогнули, втягивая воздух нового мира. Чешуя с багровым переливом начала источать едва заметный, почти прозрачный дымок первородного ужаса.

Игра началась.

Через час пути по красной, хрустящей под ногами пыли, группа вышла к координатам. Входа в пещеру не было. Вместо него зияла идеально ровная воронка диаметром в полкилометра, края которой оплавилась до состояния черного стекла. Это был след от того самого пластобетона Бездна, который предки заливали сюда веками. Кто-то или *что-то* вскрыло эту консервную банку изнутри так же легко, как пьяный матрос открывает шпроты, голыми руками и с абсолютным презрением к содержимому.

Они сделали еще несколько шагов вперед. И именно в этот момент Игнатий понял, что его фляга с коньяком опустела на треть быстрее, чем он помнил. Архимагистр замер, задрал голову. Его старые колени, привыкшие стоять разве что перед начальством во время разноса, впервые за триста лет ощутили желание подогнуться.

Он проснулся.

Трёхсотметровый дракон Апокалипсис открыл золотые глаза. Процесс пробуждения занял около пяти секунд и сопровождался звуком, похожим на скрежет тектонических плит, решивших развестись со своими континентами. Чешуя цвета застывшей крови медленно потекла переливами багрового света. Дракон приподнял голову.

А прямо у него на макушке, между двумя роговыми наростами, словно на самом удобном диване в галактике, сидела Женщина.

Игнатий видел архидьяволов Бездны, вызывал демонов первородного хаоса и однажды случайно женился на суккубе из отдела кадров (развод обошелся ему в три души и левую почку). Но сейчас даже его циничный, пропитанный спиртом разум дал системный сбой.

Она была ростом почти в два метра. Идеальная фигура, которую древние называли бы *Стан Богини* и немедленно пошли бы войной друг на друга ради права умереть у её ног. Строгое чёрное платье с высоким воротом и длинными рукавами выглядело неуместно здесь, среди мертвых камней, но сидело на ней так, будто само Мироздание сшило эту ткань. Босые ступни длинных ног покачивались в воздухе с ленивой грацией кошки. В одной руке она держала бокал, наполненный жидкостью, светящейся густым рубиновым светом. Чёрные волосы с пепельными прядями тяжёлой волной падали на плечи, а изящная диадема на лбу пульсировала в такт чему-то глубоко внутри планеты.

Её глаза были абсолютно чёрными, непроглядная бархатная тьма без белков и зрачков. Она смотрела на троих людей с таким глубоким, всепоглощающим равнодушием, с каким энтомолог смотрит на раздавленного таракана.

— Смотри, мой милый Апо, произнесла она голосом, который не сотрясал воздух, а вибрировал напрямую в гипофизе визитеров.

— Какие забавные муравьи к нам пожаловали. И даже почти не дрожат. Если не считать запаха страха и дешевого синтетического спирта, которым провонял вот этот старик. Пахнет дешёвкой, кстати. Мог бы взять выдержку хотя бы в сто лет, прежде чем лезть ко мне в гости.

Лилит сделала глоток из бокала.

— Один даже... тот, что помоложе, обгадился и обоссался от ужаса. Прямо в штаны. Магия пространства высшего порядка требует концентрации мочевого пузыря, малыш. Ой, действительно упал.

Стажер Леопольд рухнул лицом вниз в красную пыль, пустив изо рта пену смешанную с соплями. Система жизнеобеспечения его скафандра отчаянно пыталась нейтрализовать продукты внезапной дефекации, издавая жалобное шипение.

Женщина перевела взгляд на оставшихся двоих. Кувалда стояла, широко расставив ноги, и её плазменный протез тихо гудел, раскаляясь докрасна от перегрузки реактора. Игнатий просто стоял, тяжело опираясь на посох, и пытался незаметно спрятать пустую флягу в складки мантии.

— А эти покрепче будут, продолжила говорить Лилит.

— Немного. У некроманта печень отказывает от цирроза, но держится молодцом. Впрочем, неважно. Слушайте меня, насекомые, и не говорите потом, что не слышали. Я плохо повторяю дважды, а убиваю качественно.

Она щелкнула пальцами свободной руки. Пространство вокруг них пошло рябью, отрезая путь к отступлению невидимой стеной.

— Ваш шум в далеком прошлом, когда вы пытались сверлить мою крышу буровой установкой, меня разбудил. Разбудил моего питомца. Вы нарушили режим самоизоляции, мальчики. За это полагается штраф. Поэтому теперь начинается игра. На выживание забавных муравьев. И вы только что добровольно записались в их ряды.

Кувалда оскалилась, поднимая свой искрящийся протез. Она была боевиком старой закалки: если собеседник говорит слишком много красивых слов, нужно стрелять промеж глаз. — Дамочка, я видала порталы похлеще твоего. Как насчёт...

Договорить она не успела. Лилит посмотрела на неё чуть внимательнее. Просто моргнула и этого хватило. Протез Кувалды взорвался. Не огненным шаром, а тихим, влажным хлопком, превратив её руку по локоть в облако кровавого фарша и горелого пластика. Женщина-мутант не проронила ни звука, лишь пошатнулась, сжимая культию.

— Я продолжу, невозмутимо кивнула Лилит, делая новый глоток.

— Периодически на Земле и на тех планетах, куда вы успели доползти на своих ржавых корытах и через телепорты, будут открываться *Порталы Бездны*. Оттуда станут выходить забавные такие существа. Демоны. Поначалу низшие. Мелочь всякая, чтобы вы успели привыкнуть, развить инфраструктуру и перестали выглядеть как кучка грязных приматов, греющихся у костра из покрышек. Нужно же дать вам стимул развиваться побыстрее, а не как сейчас.

Черные глаза женщины блеснули садистским весельем.

— У вас, муравьев Солнечной системы, как вы её называете, есть ровно один стандартный земной год на подготовку. Постройте форты, научитесь махать железками. Придумайте пару новых заклинаний. Будет весело. Можете начинать молиться своим новым магическим божкам. А теперь проваливайтесь обратно, пробуйте выжить. Хотя бы на этот раз.

С последним словом реальность содрогнулась, Марс исчез, как и исчезла Неизвестная женщина сидящая на огромном драконе. Не было вспышки портала, не было тошноты перехода. Просто секунду назад они стояли перед трехсотметровым ящером, а в следующую уже лежали на холодном мраморном полу Зала Совета на Земле. Рядом валялся бесчувственный Леопольд, распространяя вокруг себя такую химическую вонь отчаяния, что сработали датчики токсичности воздуха. Кувалда глухо рычала, пытаясь перетянуть жгутом остатки руки.

Глубоко под поверхностью Марса, в Абсолютной Запретной Зоне, механизм снова начал замедляться.

Апокалипсис издал низкий, удовлетворенный рокот, от которого снаружи пошла сетка трещин. Он положил свою чудовищную голову на сложенные передние лапы. Багровые отсветы на его чешуе начали тускнеть, погружаясь в состояние глубокого сна.

Лилит поставила пустой бокал прямо на гладкий хитиновый панцирь дракона между глазами.

— Механизм запущен, мой хороший, прошептала она, почесывая когтистый выступ возле ноздри зверя.

— Пусть пробуют выжить. Эволюция через страдание, это самый надёжный метод обучения. Дарвин одобрил бы, если бы я не стерла его родословную до основания еще в кембрии.

Она вытянула ноги, поправляя декольте. Алмаз-капля в ложбинке груди пульсировал медленно и сонно.

— Не выживут, наплевать. Сон будет продолжаться и дальше. Они думают, что открыли ящик Пандоры. Глупцы. Они просто постучали в дверь клетки, где сидит Бездна. Мы ждали миллиарды лет, подождем еще. Год для муравьев, это целая жизнь. Посмотрим, как они распорядятся своей последней неделей отпуска.

Диадема на её лбу мигнула в последний раз и начала замедлять ритм. Тьма в глазах Великой Древней стала густой, затягивающей. Через мгновение пещера погрузилась в абсолютную тишину, нарушаемую лишь мерным дыханием колоссального зверя.

Где-то далеко, на орбите Земли, первый спутник-шпион нового Союза Магов зафиксировал микроскопическое искажение метрики пространства над кратером Элизий. Операторы списали это на солнечную активность. Им оставалось жить 364 дня.

После необъяснимого возвращения трех добровольцев с Марса из той самой странной аномалии, Зал Совета напоминал растревоженный улей, в который бросили связку динамита. Остальные ученые-маги, пятьдесят лучших умов возрожденного человечества, обступили троицу плотным кольцом.

Они заваливали их вопросами - о составе атмосферы, о гравитационных аномалиях, природе материала пирамиды и спектре излучения рун. Но добились внятного ответа лишь через час с лишним. И то только потому, что главный целитель Совета, устав слушать истерические

вопли про глаза без зрачков, просто приказал ассистентам залить в глотки всем троим по пол-литра успокоительного зелья тройной перегонки, смешанного с укрепляющим эликсиром для сердец.

Когда Леопольда перестало трясти до состояния стука зубов о край стакана, а Кувалда смогла разжать пальцы на культе (плазменный протез ей отрастить не успели, поэтому культю просто запечатали магическим льдом), они начали говорить. Судорожно, перебивая друг друга, пуская слюни и периодически пытаясь забиться под стол.

Они описывали всё. Как неизвестная женщина сидела на макушке своего жуткого огромного дракона так непринужденно, словно это был мягкий диван в гостиной. Описывали её невероятную красоту, которая пугала сильнее любой гротескной морды демона, потому что была *слишком* правильной. Рассказывали о чёрной ткани платья и босых ступнях, покачивающихся над полом пещеры. Они пытались передать словами ту жуткую, гнетущую атмосферу абсолютного превосходства, которую чувствовали при взгляде на неё. Это было ощущение муравья, которого рассматривают через лупу перед тем, как выжечь ему глаза солнечным зайчиком.

— Глаза... хрипел Игнатий, дрожащей рукой хватая протянутую кружку с водой. Коньяк он больше не просил.

— Вы думаете, я преувеличиваю? Чёрные. По всей радужке. Ни единого пятна иного цвета. Никакого белка. Просто два провала в такую Бездну, где даже души идут на дно со скоростью свинца. Она смотрела сквозь нас. Сквозь планету. Мы были для неё статистической погрешностью. Плесенью на забытом бутерброде мироздания.

А потом они пересказали её слова. Про год. Триста шестьдесят четыре дня. До секунды. Про Порталы Бездны, которые откроются после истечения срока в строго определенный час. Про низших демонов, которых спустят с поводка, чтобы двуногие приматы наконец-то слезли с деревьев и вспомнили, как держать в руках оружие тяжелее ложки.

В Зале повисла тишина. Такая густая, что стало слышно, как за бронированным стеклом воеет буря. Человечество вновь оказалось на Краю. Не на краю экологической катастрофы или ядерной зимы. На Краю Бездны, которая уже принохивалась к их запаху с той стороны реальности.

Первым нарушил молчание архимагистр Игнатий. Он медленно поднялся, опираясь на посох. Его лицо, минуту назад бледное от ужаса, вдруг приобрело землистый оттенок абсолютного, циничного спокойствия. Цирроз печени и страх смерти отступили перед лицом чего-то гораздо более масштабного.

— Итак, господа гуманисты, его голос прозвучал сухо, как шелест пергамента.

— Поздравляю. Наш вид официально перестал быть венцом творения. Мы перешли в категорию корма. Вопросы экологии и прав меньшинств отменяются. С этого момента повестка дня меняется. Нам предстоит максимально быстро развивать боевую магию любых направлений. Огонь, лед, кислота, дезинтеграция, мне плевать, если оно способно разорвать грядущих демонов. Лечебную, чтобы мясо успевало добежать до врага. Защитную, чтобы стены наших городов не рассыпались в пыль от первого же чиха твари из портала. Руны выжигать на каждом камне, на каждой железке!

Он ударил посохом в мраморный пол. Пол дрогнул.

— Готовить всех! У кого есть дар, в боевые маги. У кого дара нет совсем, но есть две руки и желание жить, в пехоту. Эти ваши пацифистские бредни о единении с природой засуньте глубоко в ректум. Через год природа придет сюда сама, и она будет очень голодна. Мы будем штамповать боевых конструкторов из костей мертвецов. Мы будем использовать запрещенные ритуалы призыва, жертвуя тысячами преступников ради создания одного приличного голема. Если для победы понадобится вырвать сердце из груди младенца, чтобы начертить защитный круг вокруг Владивостока, мы сделаем это. Мораль умерла вместе с термоядерными реакто-

рами в далёком прошлом во время первого Судного Дня в 2299-м. Сейчас у нас есть только арифметика - сколько демонов мы убьем против того, сколько сожрут нас.

Кувалда, поддерживаемая медиками, глухо рыкнула и подняла свою целую руку в жесте одобрения. Её единственный глаз горел фанатичной решимостью человека, которому нечего терять, кроме остатков своих конечностей.

Всё человечество стояло у Края Бездны. Двери скоро постучатся, а точнее - сорвутся с петель и хлынут внутрь за их кровью и плотью. Дел предстояло много. Невообразимо много. Объединить враждующие анклавы Земли, договориться с мутантами Титана, заставить шахтеров астероидного пояса делиться адамантитом. Придется отбросить прочь почти всё человеческое ради выживания.

Забавно, думал Игнатий, глядя в панорамное окно на строящуюся вышку орбитальной обороны, как резко меняются приоритеты обычного муравья, когда тот осознает размер ботинка, занесенного над ним. Перед ликом Бездны самые светлые умы планеты с радостью превратятся в безумных мясников. Запрещённые эксперименты станут государственной программой. Боевые заклинания массового поражения будут преподавать в начальных школах. Всё, что только можно извлечь из гниющих останков магии древних эпох, будет вытащено на свет и направлено в жернова войны.

Где-то там, глубоко под красным песком, билось древнее сердце. Лилит спала сном хищника, переваривающего добычу. Миллиарды лет ожидания научили её терпению.

Но теперь игра началась. И наблюдать за тем, как обычные, трусливые, похотливые и жадные муравьи, потревожившие вечный сон Древней, пытаются построить цивилизацию что сможет выжить в грядущем, всего за один год, обещало стать самым увлекательным зрелищем в этой части галактики за последние пару эонов.

Триста дней.

С момента, когда лучшие пятьдесят ученых-магов Земли осознали масштаб грядущего ужаса, прошло ровно триста суток. В планетарном календаре они слились в один сплошной, багровый от натуги и крови день. День, который не заканчивался. Человечество жило на пределе возможностей нервной системы, подстегивая себя алхимическими стимуляторами такой токсичности, что печень отказывала у подопытных крыс еще на стадии чертежей формулы.

Эти триста суток стали эпохой Великого Отказа от безгливости. На свет вытаскивалось самое дно из ранее запрещённого. Древние архивы вскрывались ломami, магические печати выжигались вместе со стенами хранилищ. Забытые технологии предков извлекались из радиоактивных могильников Сибири и пустошей Невады, очищались от пыли и усиливались или изменялись при помощи сырой магии до состояния абсолютного ночного кошмара.

Всех преступников, что были осуждены - убийц, насильников, должников и просто политических несогласных, отправили скопом и без разбора в лаборатории боевых конструкторов. Там их ждал выбор между быстрой смертью во имя науки и долгой агонией во имя прогресса.

Создатели боевых химер сплетали плоть людей с геномами вымерших земных хищников и инопланетными образцами, найденными на Марсе до закрытия купола. Коридоры лабораторий *Голиаф* содрогались от рева существ, чьи конечности росли не оттуда, откуда велела природа, а оттуда, куда указывал вектор атаки.

Мастера-некроманты выводили живых мясных големов, пульсирующие горы мускулов, лишённые глаз и мозгов, управляемые лишь простейшими боевыми императивами через руны боли, вырезанные прямо на их нервных узлах. Они могли сражаться даже после того, как их разрезало пополам.

Друиды старой школы, те, кого раньше считали мирными целителями лесов, окончательно сошли с ума от масштаба задач. Они больше не разговаривали с деревьями. Используя свою природную магию, они изменяли тела преступников в нечто невообразимое - брониро-

ванных троллей с пушками, встроенными прямо в костяные наросты плеч, разведчиков-змей с человеческими лицами, способными просачиваться сквозь канализационные решетки вражеских порталов.

Параллельно с этим биологическим адом шла индустриальная мобилизация. Формировались бесчисленные полки и легионы из обычных людей. Их одевали в тяжелую керамопластовую броню и экзоскелеты, которые раньше разрабатывались для шахтеров Титана, а теперь оснащались встроенными инжекторами адреналина.

Механоиды - старые промышленные роботы-погрузчики, списанные орбитальные дроны и шагающие краны, массово переделывались в боевые единицы. С них снимали манипуляторы, заменяя их рельсотронами и пилами из зачарованной стали.

Тех же, кто обладал хоть малейшим зачатком магического дара, собирали в отдельные ударные кулаки. Из них формировали усиленных рыцарей или паладинов. Это была элита обреченных. Их зашивали в тяжелую магическую или рунную броню, которая становилась продолжением кожи, вытягивая ману напрямую из жизненных сил носителя. Если резерва бойца не хватало, чтобы питать силовой щит, броня начинала пережевывать его мышцы и кости, превращая солдата в пылающий скелет, несущийся на врага.

Остальных одаренных, чей дар был слишком слаб для тонких манипуляций, засовывали внутрь боевых дредноутов. Прямая нейросинхронизация. Тело человека помещалось в саркофаг с амниотической жидкостью посреди грудной клетки огромного шагающего боевого механизма всех возможных форм и размеров, от приземистых пауков-разведчиков до колоссальных титанов высотой в сорок метров, чья поступь заставляла дрожать землю.

Ученые, как маги-теоретики, так и простые инженеры, изучавшие мертвые базы данных предков — работали в симбиозе. За эти сжатые сроки они восстановили технологию силовых защитных полей. Для мелких роботов и големов из металла поля строились на основе конденсаторов душ, крошечных кристаллов, внутри которых бились в агонии пойманные элементали. Для мехов и дредноутов, где сидели избранные операторы, генераторы щита запитывались от ритуалов массового кровопускания, проводимых обслуживающим персоналом прямо в полевых условиях.

Ландшафт планеты менялся на глазах. Строились защитные крепости и форты нового типа. Это были не средневековые замки, а циклопические многоуровневые цитадели из армированного пластобетона, оплетенные сетью контрольно-пропускных рун. Каждая такая крепость представляла собой гигантский резонатор, готовый выплеснуть накопленную энергию Бездны обратно в любой открывшийся портал.

Оружие производилось круглосуточно. Арсеналы напоминали сюрреалистический сон сумасшедшего бога войны. Здесь соседствовали составные луки с тетивой из плетеной меди, стреляющие зачарованными стрелами с наконечниками из обедненного урана, и плазменные излучатели, охлаждающиеся жидким азотом. Простые лазерные винтовки лежали рядом с рунными арбалетами эпохи падения первой Атлантиды. Артиллерийские батареи древней эпохи, способные пробивать крейсеры навылет, пересчитывали свои баллистические таблицы с учетом гравитационных возмущений демонических измерений.

Триста дней кошмара для миллиардов простых людей, чующих запах дыма в воздухе даже сквозь фильтры убежищ. И триста дней для тех немногих, кто управлял этим безумием. Архимагистр Игнатий забыл, когда толком спал дольше двадцати минут подряд. Его глаза навсегда налились кровью от лопнувших сосудов, а цирроз печени сменился полным перерождением органа в артефактный фильтр, пропускающий только чистый спирт и злобу. Кувалда, ставшая генералом бронетанковых войск Големов, потеряла вторую руку, ногу и правый глаз, заменив их на жуткую мешанину проводов, сервоприводов и некротической энергии. Она передвигалась по штабам на парящей платформе, источая запах злого упрямства и гниения.

Оставалось еще шестьдесят четыре дня.

Земля замерла. Гул верфей над Юпитером стих, ресурсы астероидного пояса были исчерпаны подчистую. Замерло в тревожном, искусственном сне всё человечество. Стазис-камеры заполнились детьми, стариками и гражданскими специалистами, единственным генетическим фондом, которых решили спасти, если поверхность превратится в стекло.

Над городами висел смог из пепла сожженных при неудачных экспериментах лесов. Небо перечеркнули линии орбитальной обороны, тысячи мертвых спутников, превращенных в платформы гаусс-пушек.

Два месяца и четыре дня. До начала того момента, когда будет решено. Не судьба цивилизаций или государств. Решено, выживут ли они *как вид*, или же люди исчезнут, станут просто строчкой в пищевом реестре Легионов Бездны, очередным деликатесом на столе той прекрасной женщины с черными глазами.

Будущее покажет. Но судя по тому, как вибрировал воздух над Красной Пустошью Марса, глубоко под которой ворочалось во сне трехсотметровое чудовище, будущее предпочитало смеяться последним. Громко, раскатисто и очень голодным голосом.

Шестьдесят четыре дня.

Для измученного человечества, привыкшего жить на стимуляторах и чистом адреналине, эти сутки с лишним принесли хоть какой-то, пусть и призрачный, отдых после безумных трехсот дней производственного ада. Заводы работали в полсилы, восстанавливая только критические потери брони. Маги перестали приносить массовые жертвы для подпитки генераторов, переводя дух у алтарей. Это была не тишина покоя, это было затишье перед гильотиной, когда палач уже взялся за веревку, но еще медлит ради драматического эффекта.

Наступала последняя минута отсчета до момента, когда Порталы Бездны откроют свой зев по воле той, кто решила поиграть с муравьями, потревожившими вечный сон Древней. Цена в этой забавной для неё игре, а для других ставшей абсолютным кошмаром, называлась просто - *Жизнь*.

Шанс снова выбраться с Края Бездны, не свалившись туда окончательно.

Последняя секунда показалась всем живущим громом, разорвавшим барабанные перепонки прямо внутри черепа. И тут же, везде, от Земли до замерзших метановых озер Титана, от куполов Венеры до крупных лун газовых гигантов, распахнулись сто порталов. Ровно сто пульсирующих язв в ткани реальности.

Из них буквально выплеснулась орда. Она не шла волной - нет, она хлынула грязевым потоком первобытного ужаса. Ползающие твари, чьи тела состояли из гниющих лиц их предыдущих жертв. Бегущие на чем-то вроде суставчатых паучьих ног мясные горы, сочащиеся кислотой. Летающие чудовища всех видов, чья аэродинамика нарушала все законы физики так же нагло, как женщина на драконе нарушала правила приличия. Кошмарные порождения безумного разума, которые Лилит, видимо, придумывала во сне миллиарды лет, коллекционируя самые мерзкие формы жизни со всей обозримой Вселенной.

Даже Иероним Босх здесь впал бы в ужас и умер от страха. Умер от осознания собственной глупости и ограниченности фантазии. Он думал, что рисовал страх, а он рисовал лишь бледную карикатуру на утреннюю гимнастику младенца-Бездны.

Миллиарды жутких существ шли по земле, текли под землей, плавили океанское дно и летели по воздуху. Даже в космосе не было спасения, из стратосферных врат вываливались левиафаны, способные одним выдохом вскипятить обшивку крейсера. Адская какофония звуков смешалась в один жуткий, вибрирующий кошмар. Рыки и рёв чудовищ, разрывающих людей в их окопах, сливались с гудением перегруженных силовых полей.

Крепости и форты, казавшиеся такими надежными, хрустнули первыми. Стена рунного камня толщиной в десять метров превращалась в мелкую крошку под напором концентрированной ненависти.

И тогда вступило всё то, что люди готовили весь прошедший год. За право — ЖИТЬ.

Стреляло всё, что могло стрелять. Стрелы из композитного дерева с наконечниками из сердец магических зверей свистели рядом с потоками плазмы. Антиматерия аннигилировала плоть демонов в ослепительные вспышки чистого света. Лазеры резали хитин, излучатели антимутагена выжигали измененную реальность вокруг порталов. Всё это смешивалось с разной магией - от простого бытового телекинеза, которым рядовые солдаты швырялись кусками бетона, до запрещенных ритуалов высшего порядка. Там, где требовались жертвы, добровольные или нет, осознанные или случайные, они приносились без колебаний. Офицеры пускали пулю в лоб стоящему сзади новобранцу, чтобы напитать защитный купол крепости энергией его разрывающееся души. Целители вырезали сердца у своих раненых товарищей, чтобы бросить их в топку боевых механоидов.

Всё шло ради выживания человечества как вида. Эстетика умерла первой, захлебнувшись в крови.

Людям требовалось продержаться 24 часа. Ровно сутки стандартного земного времени - именно столько, согласно словам Лилит, оставалось открытым окно первого вторжения. Но когда они откроются снова и сколько будет времени во второй раз, никто не знал. Об этом потом. Возможно, сразу после бойни придется отправить кого-то нового к той неизвестной женщине глубоко под поверхностью Марса. Спросить инструкцию. Или хотя бы узнать, понравилось ли ей представление.

А сейчас... Люди сражались. Кто трусили и пытался бежать, того ловили свои же. В условиях тотальной войны дезертирство каралось не трибуналом, а эффективностью. Беглецов на месте отправляли в развернутые прямо посреди улиц жертвенные пентаграммы для усиления магии Архимагов или Магистров, пытающихся удержать небо от падения. Или пускали на питательные растворы защитных полей для крепостей и фортов, живой био-батарейкой. Человеческая жизнь стала самой дешевой валютой Солнечной системы.

Сутки... Им требовалось продержаться всего сутки. Двадцать четыре часа непрерывного, крошечного ада.

Когда прошла ровно - 24 часа, прошедшие сквозь фильтры боли, сожженной нервной системы и запаха паленого мяса, порождения Бездны исчезли. Без следа. Словно кто-то нажал кнопку *Выкл.* Твари растворялись прямо в воздухе, оставляя после себя лишь лужи едкого ихора и куски рваной плоти. Порталы схлопнулись одновременно, оставив после себя звенящую пустоту и запах гниющих трупов демонов, и густой аромат погибших людей, а с небес падал кровавый пепел и прах.

Из четырех миллиардов с небольшим населения, выжило не больше трех миллиардов.

Люди выстояли. Хотя разрушения были такие, что напоминали Судный День той далекой даты в прошлом - 6 августа 2299 года. Земля и прочие планеты, луны и орбитальные станции напоминали ад наяву, который забыли проветрить.

Часть лун была уничтожена командирами приказом о самоуничтожении, когда уже не осталось ни одного живого солдата, способного нажать на спуск, а орды продолжали лезть из трещин в породе. Взрывы реакторов и заложенных зарядов раскрошили спутники Юпитера в пыль, похоронив врага вместе со своими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.